
Деревья в цвету, нежно-алое марево заливает сад, мириады лепестков дрожат на весеннем ветру...

Сад Цин-ди за Божественным прудом Циюй сейчас был особенно прекрасен. Я никогда не питал нежных чувств к персикам, но отрицать их великолепие было бы глупо.

Впрочем, вряд ли кто-то ещё в Небесном царстве назвал бы это место уютным.

За каждым пышным цветком скрывалась трагедия: все эти деревья — когда-то прекрасные феи, совершившие роковую ошибку. Год за годом они расцветают, но никогда не дают плодов. Обречённые на вечное цветение без права на перерождение, они лишь безмолвно созерцают одинокую гладь пруда, ожидая часа, когда лепестки опадут в забвение.

Любой бессмертный содрогнётся при виде этого алого великолепия, особенно в пору листопада, когда сад кажется безнадежно печальным. Миллионы лет самосовершенствования, чтобы в итоге застыть здесь безмолвным изваянием, до которого никому нет дела.

Я тоже боялся. Но мой страх был иного толка.

Стоило мне закрыть глаза, как перед мысленным взором всплывал лик Бога Весны.

«Знакомо ли мне это лицо?»

Я — лишь песчинка в иерархии бессмертных, младший бессмертный, который и в глаза-то Цин-ди раньше не видел. Но это странное чувство близости... Оно казалось таким родным и в то же время пугающе чуждым.

Наверное, я просто слишком много о себе возомнил.

Я поднял голову. Одинокий лепесток опустился мне на щеку. Осторожно снял его и долго рассматривал, погружённый в свои думы.

Моё оцепенение прервал резкий удар по макушке.

Обернувшись, я увидел Фэн-бо. Старик не стал церемониться:

— Тебе велели запереться и каяться, а не пускать слюни на весну!

Кто это тут слюни пускает?

Потирая ушибленное место, я недовольно проворчал:

— Дедушка Фэн-бо, вы-то здесь что забыли? Неужели вас тоже заставили замаливать грехи?

Второй удар оказался ещё сильнее. Старик налился праведным гневом:

— Ты за кого меня принимаешь, сопляк? Думаешь, я такой же безрассудный дурак, как ты?

«С вашим-то скверным характером вы наверняка полнеба перессорили, просто никто не рискнул вам отомстить», — подумал я и, к своему ужасу, осознал, что произнёс это вслух.

Лицо Фэн-бо потемнело. Его кулаки, тяжёлые, как молоты, обрушились на мою голову.

В глазах посыпались искры, череп отозвался тупой болью. Не выдержав, я вскочил на ноги и, сверкнув глазами, крикнул:

— Старый хрыч, за что вы меня колотите?!

Услышав «старого хрыча», Фэн-бо окончательно слетел с катушек. Он выпучил глаза, и те стали похожи на рыбы. Почуввав неладное, я сорвался с места, но старик, несмотря на почтенный возраст, оказался на редкость прытким.

— Стоять, паршивец! — взревел он, настигая меня в два счета.

Бежать от Фэн-бо — затея гиблая. Не успел я сделать и десяти шагов, как налетевший шквал сбил меня с ног. Цветы персика закружились в вихре, едва не похоронив меня под собой, а тяжелая рука Фэн-бо уже мертвой хваткой вцепилась в моё плечо.

Поняв, что сейчас моя голова окончательно превратится в лепешку, я мгновенно сменил гнев на милость и жалобно заскулил:

— Дедушка Фэн-бо, я был неправ... Пощадите...

Старики ведь должны быть отходчивыми? Хотя к вечноживущим это, похоже, не относится.

Фэн-бо смерил меня ледяным взглядом, кулак его на мгновение замер. Я уже было решил, что беда миновала, как сокрушительный удар обрушился на мой затылок. Из глаз брызнули слезы.

— Будешь знать, как дерзить, — буркнул он.

Я покорно закивал. Моя ошибка была очевидна: не стоило так быстро сдаваться. Если бы я сохранил гордый вид, то хоть репутацию бы сберёг, а так — и достоинство потерял, и по шее получил.

Фэн-бо рывком поднял меня на ноги, на удивление бережно. Я уж грешным делом подумал, что он решит меня зашвырнуть в пруд.

Вскоре показался Шоу-син. Увидев нас, он всплеснул руками:

— Фэн-бо! Как это ты умудрился обогнать меня?

Тот лишь недовольно дернул плечом и отошел в сторону. Старый Шоу-син, посмеиваясь и поглаживая бороду, подошел ближе. Заметив мои покрасневшие глаза и мокрые щеки, он вкрадчиво спросил:

— Неужто этот сумасброд тебя обидел?

Я активно закивал и спрятался за спину добродушного бога. Фэн-бо гневно обернулся, но промолчал.

— Ничего, — утешил меня Шоу-син, — я ему потом всё выскажу.

«Да что толку от твоих слов», — тоскливо подумал я.

К нам подошли всегда молчаливый Маожи Синцзюнь и благообразный Тайшан Лаоцзюнь. Тихий сад внезапно наполнился шумом и суетой. Ветер шелестел листвой, роняя на нас розовый снег лепестков.

— Опять в маджонг резаться будем? — спросил я, почесывая макушку.

Они синхронно покачали головами. В их молчании чувствовалась какая-то неловкость. Наконец Шоу-син не выдержал:

— На самом деле... мы пришли предупредить тебя.

От такой таинственности мне стало не по себе. Я подался вперед:

— О чём?

Тайшан Лаоцзюнь замялся, подбирая слова:

— Видишь ли, Лянь... В Небесном царстве все только и твердят, что о самосовершенствовании, но на деле жизнь здесь бывает чертовски скучной. А когда богам скучно, они начинают чесать языками. Мы не исключение. Но есть среди нас личности особенные — вроде Цзютянь Сюаньньюй. Эта женщина в своем одиночестве провела слишком много тысячелетий, и теперь её хлебом не корми — дай посплетничать. Любую мелочь раздует до масштабов вселенской катастрофы... Помнишь Чжи-ньюй, что сбежала к смертному? Это ведь Сюаньньюй её выдала. Бедной Ванму просто не оставили выбора — пришлось показательно наказывать беглянку.

Я продолжал кивать, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Так вот, на пиру у Цин-ди она заметила тебя за спиной Шоу-сина...

— И? — предчувствие беды стало почти осязаемым.

Маожи Синцзюнь вздохнул и посмотрел на меня с жалостью:

— Она мгновенно распознала твою истинную сущность. На следующее утро Юй-ди уже читал её донесение. Она заявила, что кто-то тайно провёл младшего бессмертного на торжество, дабы посеять хаос в Небесном чертоге. Она требует примерного наказания.

— Тяжёлого наказания?! — я едва не задохнулся от возмущения. — Да что мы такого сделали? И вообще, с чего она взяла, что это был именно я?

— Зато она узнала Шоу-сина, — безжалостно отрезал Тайшан Лаоцзюнь.

Старый бог долголетия виновато кашлянул.

Холод в груди разливался всё шире. Старики замолчали. Наконец Фэн-бо резко развернулся:

— Да хватит вам юлить, трухлявые пни! — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Нефритовый император приказал провести расследование. Эти «благородные» старцы, спасая свои шкуры, во всём сознались и свалили всё на тебя!

Тайшан Лаоцзюнь возмущённо взмахнул рукавом:

— Можно подумать, ты остался в стороне! Когда Сюаньньюй донесла, что мы из-за маджонга просмотрели беды в мире смертных, твоя физиономия тоже не светилась радостью!

Я был ошеломлен, но не слишком удивлен. Если расплата была неизбежна, то они лишь спасали себя. В конце концов, именно я подбил их на ту авантюру.

— И что мне грозит? — тихо спросил я.

Шоу-син отвел взгляд. Маожи Синцзюнь подошел ближе и внезапно крепко схватил меня за локти:

— Сейчас сам всё увидишь.

Не успел он договорить, как в саду появились небесные воины. Возглавлял их суровый муж с третьим глазом во лбу — Эрлан-шэнь, а рядом, скаля зубы, стоял огромный пёс Сяотянь.

Увидев их, четверо моих «друзей» синхронно указали на меня пальцами:

— Вот он, Эрлан-шэнь. Забирай.

Сказав это, они растворились в воздухе, оставив после себя лишь легкое облачко дыма.

Я даже выругаться не успел. Вот же старые лицемеры! Подставили и смылись!

Меня приволокли во Дворец Эрлана.

Все в Небесном царстве знали: Эрлан-шэнь не ведает жалости. Его суд скор, а приговор всегда суров.

Обстановка во дворце была под стать хозяину: восемь длинных ламп горели холодным, мертвенным светом, в центре зала возвышался массивный бронзовый треножник с изображениями тигров и драконов. За судейским креслом на стене застыл барельеф вешего зверя Сячжи, а золотая надпись на черном лаке — «Беспристрастие» — заставляла сердце уходить в пятки.

Гордый Сяотянь замер по правую руку от господина, не сводя с меня яростного взгляда.

Трёхглазый судья начал зачитывать список моих прегрешений, и с каждым пунктом кровь во мне закипала всё сильнее.

Оказывается, это я «принудил» Фэн-бо провести меня в Сад Цин-ди, имея на Бога Весны некие «преступные намерения». Оказывается, это я «силой втянул» четверых почтенных старцев в азартные игры, из-за чего те утратили бдительность и допустили несчастья среди людей. А другие мелкие духи и вовсе донесли, что я якобы «систематически нарушаю небесные законы», сбегая в мир смертных при первой возможности.

— Желаете что-то сказать в своё оправдание? — ледяным тоном спросил Эрлан-шэнь.

— Ещё бы! Во-первых, посмотрите на меня и на Старшего бессмертного! Как я, младший бессмертный, мог его «принудить»? У них просто совести нет признать, что им самим было любопытно! Насчёт «преступных намерений» — я и глазом моргнуть не успел, как оказался на пиру, а потом меня оттуда вышвырнули. О каких намерениях речь? Любому, у кого есть мозги, ясно: Цин-ди не тот, кого может соблазнить такая мелочь, как я!

Во-вторых, те старики — заядлые игроки! Они резались в маджонг задолго до моего появления. Почему их не судили раньше? И маджонг, к вашему сведению, даже не мой!

В-третьих, кто из младших бессмертных хоть раз не бегал в мир людей? Почему зацепились именно за меня? Это же просто охота на ведьм ради красивого отчета!

Я выложил всё на одном дыхании, но лицо Эрлан-шэня не дрогнуло.

Выслушав мою тираду, он закрыл свиток и бесстрастно произнес:

— Наговорился? Уведите его. Завтра — низвержение в мир смертных.

Я задохнулся от ярости. Он меня вообще слышал?!

— Я требую встречи с Юй-ди! — крикнул я, понимая, что здесь справедливости не найти.

Эрлан-шэнь холодно усмехнулся, и даже его пёс, казалось, презрительно твякнул в мою сторону.

— Встречи с императором? Ты хоть понимаешь, кто ты такой?

С этими словами он швырнул меня, скованного Верёвкой, связывающей бессмертных, в угол зала.

Внезапно воздух дрогнул, и передо мной возникли те самые «предатели»-старики.

Эрлан-шэнь поднял взгляд:

— Что привело почтенных бессмертных в мою обитель?

Тайшан Лаоцзюнь церемонно поклонился:

— Мы здесь по поручению Цин-ди. Он желает видеть цветочного духа Ляня в Саду Цин-ди.

Цин-ди?!

Я вскинул голову.

Сяотянь зарычал, Эрлан-шэнь нахмурился, явно колеблясь.

Шоу-син, расплывшись в привычной улыбке, добавил:

— Мы вернём его до завтрашнего утра. Неужто ты, Эрлан-шэнь, сомневаешься в нашем слове?

Против такой вежливости трудно было что-то возразить. Судья неохотно махнул рукой, снимая с меня путы:

— Что ж, забирайте. Но смотрите, чтобы я не оказался в неловком положении.

— Разумеется, — елеинным голосом отозвался Тайшан Лаоцзюнь.

Едва мы покинули дворец, я вырвался из их рук:

— Ах вы, старые пройдохи! Пользуетесь своей силой, чтобы издеваться над слабыми! Всё на меня свалили, а сами сухими из воды вышли!

Они промолчали.

Мы плыли на лазурном облаке. Вдали сиял Великий чертог Пурпурного золота, окутанный дымкой, похожей на зыбкий сон. Бескрайнее небо под ногами заставило меня умолкнуть.

Эрлан-шэнь прав. Кто я такой?

Всего лишь младший бессмертный.

Тот сверкающий дворец — не для меня, и заступиться за меня некому.

Невезение преследовало меня по пятам. Я надеялся напоследок хоть издали увидеть Цин-ди, но как назло в Небесный чертог прибыл Чунъэнь Шэнди. Юй-ди вызвал Бога Весны к себе, и я остался ни с чем.

От обиды я рухнул на облако и завыл, колотя его кулаками.

Никогда не слышал, чтобы кого-то вышвыривали из Небесного чертога спустя всего несколько дней после прибытия. Я стал первым в истории — позорная слава.

Фэн-бо подошел и отвесил мне очередную затрещину:

— Прекрати истерику, дурень!

— Вы меня предали, а теперь ещё и обзываетесь! — взвыл я с новой силой.

Шоу-син, самый мягкосердечный из них, принялся вытирать мои слезы:

— Не принимай слова Фэн-бо близко к сердцу. Он на самом деле за тебя переживает.

Он? За меня? Скорее гром среди ясного неба грянет.

— ГР-Р-РАХ! —

В абсолютно чистом небе внезапно громыхнуло.

Храм Саньцин

Сколько ни кричи, а судьбу не переспоришь. Приходится принимать удары такими, какие они есть. Рано или поздно гнев сменяется апатией.

«Ладно, — подумал я, развалившись на полу. — Перерожусь поскорее, лишь бы не видеть этих насмешливых рож».

Тайшан Лаоцзюнь, видимо, мучимый остатками совести, вдруг извлек из складок одеяния какую-то вещицу и с хитрой улыбкой протянул мне.

Это было зеркало.

Странное зеркало: его поверхность была абсолютно черной, не отражающей ничего. Сверху на простой оправе красовалось ажурное отверстие. Я перевернул его и прочел выгравированные древние иероглифы:

— Зеркало Реинкарнации.

Старики ахнули. Шоу-син осторожно взял артефакт, его руки заметно дрожали:

— Где ты это взял? Тот скряга трясется над ним пуще прежнего!

Тайшан Лаоцзюнь самодовольно погладил бороду и, лихо крутанувшись, в мгновение ока переместил зеркало обратно в свои руки.

— Стянул со стола Эрлан-шэня, пока тот не видел, — ухмыльнулся он.

Видеть, как почтенный бессмертный хвастается воровством, было... специфично. Мы все посмотрели на него с неммым укором.

Но Лаоцзюнь лишь подмигнул мне:

— Раз уж всё так обернулось, посмотри хоть на свою будущую судьбу. Вдруг полегчает...

Будто там может быть что-то хорошее. Разве можно обмануть рок?

— В этом зеркале отражается прошлое и будущее тех, кто был изгнан из Небесного царства, — пояснил он, возвращая мне вещь. — Конечно, если тебе удастся избежать кары, ты увидишь лишь Небесное царство.

Эти слова подействовали на меня как удар тока. А вдруг?!

Я пристально посмотрел в темную гладь, но она оставалась пустой.

— Значит, моё будущее — сплошная тьма? — я был готов снова расплакаться.

Фэн-бо выхватил зеркало, принялся трясти его, стучать по оправе и даже пробовать на зуб.

— Может, сломалось? — проворчал он.

Тайшан Лаоцзюнь смерил его презрительным взглядом:

— Деревенщина. У таких сокровищ всегда есть секрет. Только такой грубиян, как ты, может пытаться «починить» божественный артефакт пинками. Ты позоришь наше сословие.

Фэн-бо обиделся:

— Всё, что ты мне давал раньше, работало только после хорошей встряски. Я думал, у тебя все вещи такие.

Лаоцзюнь замер, его лицо начало подергиваться:

— Ты... ты со всеми моими дарами так обращался?

— Ну да, — простодушно ответил Фэн-бо.

Маожи Синцзюнь, видя, что дело пахнет новой дракой, быстро вмешался:

— Лаоцзюнь, как заставить его работать?

Тот с трудом взял себя в руки, забрал зеркало и обратился ко мне:

— Лянь, дай мне что-нибудь своё.

— Своё? — я осмотрел себя. Кроме Шпильки Управления Ветром и одежды, у меня ничего не было. — Волос подойдет?

Он кивнул.

Я вырвал волосок, и старик опустил его в то самое резное отверстие наверху. Зеркало будто заглохло.

И тут же поверхность ожила.

Сначала я увидел младенца в колыбели. Розовощекий карапуз, такой милый, что сердце защемило.

— Это ты, — прошептал Шоу-син.

Фэн-бо тоже придвинулся ближе, затаив дыхание.

Но Маожи Синцзюнь печально покачал головой:

— Лик Одинокой звезды небесной погибели. Дурной знак.

«Одинокая звезда небесной погибели? У такого симпатичного ребенка?» — я не мог в это поверить.

Но не успел я опомниться, как картина сменилась кроваво-красным маревом. Все, кроме

младенца, лежали в лужах крови. Мы даже не поняли, что произошло. Повсюду тела, искаженные ужасом лица... А затем кто-то вонзил клинок прямо в горло плачущему ребенку...

Меня передернуло.

Умер, не успев даже начать жить?

Но видение продолжалось.

В зеркале возник оборванный мальчишка. Кожа да кости, он с недетской тоской смотрел на лавку с булочками. Вот он тянет руку, но хозяин замечает его и начинает избивать до полусмерти. Бамбуковая палка с хрустом опускается на худые плечи.

Потом пошел дождь.

Весь в синяках, промокший до нитки, он подбирает из грязи чей-то объедок. Жадно ест, давясь слезами, а затем, прихрамывая, уходит в темноту.

Осознание того, что это — я, давило на грудь неподъемным камнем.

За что мне такая участь?

Я ведь не совершал страшных грехов. Почему я должен страдать больше, чем те же Люй Дунбинь или Лань Цайхэ? Те хоть великие дела вершили, а я?

Может, это лишь начало? Может, во взрослой жизни меня ждет успех?

Я хотел смотреть дальше, но в этот момент ворвался разъяренный Эрлан-шэнь. Сяотянь бешено лаял у его ног.

— Кража священного артефакта! — взревел он. — Теперь тебе не отвертеться!

Я оглянулся: мои «верные союзники» уже побросали всё и сделали вид, что они тут ни при чём. Только я стоял с зеркалом в руках.

Ну и пусть. Хуже уже не будет.

Я сжал зеркало крепче и посмотрел Эрлан-шэню прямо в глаза:

— Скажи мне, всё, что показывает Зеркало Реинкарнации — истина? Это неизбежно?

— У круга сансары свои законы, — отрезал тот. — Что посеешь, то и пожнешь. Судьба предопределена.

Я покачал головой:

— Я не совершал злодеяний. Почему мой путь залит кровью и грязью?

— Небо решило, что твой рок — Рок восьми одиночеств. Это твоё испытание, и винить некого!

Испытание...

— Живо верни зеркало! — громоподобный голос Эрлан-шэня заставил стены храма дрожать.

Я понимал, что сопротивляться бесполезно, и медленно пошел к нему. Но в этот миг Сяотянь внезапно бросился на меня. От испуга я дернулся, замахал руками, и мой палец случайно проскользнул прямо в то самое резное отверстие в оправе.

— Вытаскивай! Живо! — первым закричал Тайшан Лаоцзюнь. Он бросился ко мне, пытаясь высвободить мою руку, но тщетно.

Остальные боги тоже ударили заклинаниями, но палец будто прирос к холодному металлу. Более того, я почувствовал, как неведомая, чудовищная сила начинает буквально засасывать меня внутрь черной зеркальной глади.

Что... Что, черт возьми, происходит?!

<http://bllate.org/book/17534/1700692>